

Доставив Бай Эня на место, Хан Сиэнь не спешил уходить. Он прислонился к стене и с нескрываемым любопытством принялся наблюдать за безмолвным противостоянием троицы.

Неприязнь Второго принца к Бай Эню и Цзи Ло была вполне объяснима. С точки зрения Цзи Жуна, всё происходящее походило на гром среди ясного неба.

Стоило Бай Эню войти, как Цзи Жун, ничуть не скрываясь, окинул его оценивающим взглядом с ног до головы. Поначалу он не заметил ни малейшего сходства с императором. Однако то ли слова Цзи Ло глубоко запали ему в душу, то ли взыграло упрямство, но отступить принц не желал. Внимательно, до мельчайших черточек изучив лицо гостя, Цзи Жун наконец уловил едва заметное сходство — в очертаниях носа Бай Эня определенно угадывался императорский профиль.

И что самое поразительное, стоило ухватить эту деталь, как образ владыки стал проступать в облике юноши всё отчетливее. Это лишь сильнее разозлило Цзи Жуна. Как Цзи Ло умудрился разглядеть столь зыбкое сходство? Не иначе как целыми днями только и делал, что пялился на этого мальчишку!

Впрочем, тут же вспомнилось, что глаза Цзи Ло открыл Хан Сиэнь — это он обронил случайную подсказку. Вся ярость Второго принца мгновенно перекинулась на молодого маркиза. Хан Сиэнь казался ему сущим воплощением несчастья: любой, кто связывался с ним, неизбежно навлекал на себя беду.

Произожди подобное с кем-то из других братьев, Цзи Жун с удовольствием посмеялся бы в сторонке. Пока беда обходила его стороной, он мог оставаться благородным, пусть и болезненным Вторым принцем, овеванным славой тонкого ценителя наук и искусств.

Но теперь всё изменилось. И Цзи Ло, посмевавшийся вылить на него ушат грязи, и недоумевавший Бай Энь, и виновник всей этой неразберихи Хан Сиэнь — каждый из них удостоился особого места в черном списке принца. Цзи Жун затаил глубокую обиду, пообещав себе сполна расквитаться с обидчиками при первой же возможности.

Кто-то счел бы это слепой злобой на непричастных, но сам принц в гневе лишь усмехнулся бы в ответ: да, он злится на всех без разбору, и имеет на это полное право.

Бурный поток мыслей Цзи Жуна, улавливаемый ментальной связью, заставлял уши Хан Сиэня гореть. Жажду Второго принца содрать с него и Цзи Ло шкуру живьем маркиз находил вполне естественной. Каково это — находиться в шаге от вершины, готовым искупаться в лучах славы, и вдруг почувствовать, как чья-то цепкая рука хватается тебя за лодыжку, лишая возможности сделать последний шаг?

Увидеть близкую победу и лишиться её в последний миг — тут любой возненавидит весь мир. В каком-то смысле Хан Сиэнь даже сочувствовал Цзи Жуну: бедняге фатально не повезло перейти дорогу именно ему.

Взаимная неприязнь между Цзи Ло и Бай Энем удивления не вызвала. В прошлой жизни Бай Энь был заклятым врагом Третьего принца, а в этой — само его существование, вполне возможно, скрывало разгадку гибели покойной матушки наложницы.

Пока маски не были сброшены, Цзи Ло еще выжимал из себя фальшивые дружелюбные улыбки. Теперь же, когда все карты открыты, притворяться не имело смысла, и выдавливать из себя любезность принц не собирался.

И пускай судьба заперла их под одной крышей в тесном флигеле, где они ежеминутно сталкивались лицом к лицу, разрыв отношений развязывал руки. Отныне Цзи Ло мог следить за соперником открыто, не утруждая себя соблюдением приличий.

Самой невинной жертвой в этой нелепой игре выглядел Бай Энь. Он искренне не понимал, чем заслужил столь явную враждебность со стороны обоих наследников престола. В его мыслях царило лишь полнейшее замешательство.

Ощущая на себе тяжелые, сверлящие взгляды принцев, Бай Энь изо всех сил старался сохранить самообладание, подобающее благородному господину. Он незаметно сжал кулаки, отвел глаза и, повернувшись к Хан Сиэню, постарался выговорить как можно спокойнее:

— Наследник Хан, зачем вы привели меня сюда?

Хан Сиэнь, до этого безучастно подпиравший стену, наконец дождался, когда на него обратят внимание. Он выпрямился, небрежно стряхнул невидимую пылинку с рукава и с обезоруживающей улыбкой посмотрел на Бай Эня.

— Ровным счетом ничего предосудительного, — мягко ответил он. — Просто Третий принц заподозрил, что вы — истинная плоть и кровь нашего государя, а Второй принц некогда занял ваше место. Позже, правда, Его Высочество засомневался в этой теории, ведь вы со Вторым принцем не совсем ровесники. Теперь рабочая версия гласит, что вы — внебрачный сын императора. Его Величество, прослышав о столь занимательных семейных тайнах, пожелал во всем разобраться. К тому же сходство вашего лица с императорским действительно отрицать трудно.

От этих слов у Бай Эня закружилась голова. Смысл каждого отдельного слова доходил до него без труда, но, сложенные вместе, они превращались в какую-то нелепицу.

Вне себя от изумления и ужаса, он переводил взгляд с Хан Сиэня на притихших принцев и наконец беспомощно пролепетал:

— О чем... о чем вы говорите?

Цзи Жун тоже никак не ожидал от Хан Сиэня подобной прямолинейности. Возмущенно уставившись на молодого человека, он процедил:

— Да вы безумец!

Разве подобные государственные тайны не надлежит расследовать в глубочайшей тайне, прежде чем рубить с плеча? То, что Хан Сиэнь бросался столь серьезными обвинениями, не имея на руках весомых улик, переходило все границы дозволенного.

Впрочем, Цзи Ло злость брата не волновала. За время, проведенное с Хан Сиэнем в Цзяннани, он успел досконально изучить его повадки и знал, насколько топорными и бесцеремонными могут быть методы этого человека. И всё же, когда этот каток катился прямо по тебе, оставалось лишь признать собственное бессилие.

Хан Сиэнь пристально посмотрел в растерянное лицо Бай Эня и неожиданно спросил:

— Молодой господин Бай, неужели за столько лет вы ни разу не замечали странностей в отношении к вам господина Бая и его супруги?

При этих словах Цзи Ло вскинул голову. Встреча с Бай Цзюнем лишь укрепила его подозрения относительно происхождения Бай Эня. Тот обращался с сыном с величайшей нежностью, сквозь которую, однако, нет-нет да и проглядывал едва уловимый, вьезшийся под кожу трепет.

Любящий отец не может испытывать страх перед собственным ребенком — если только за этим ребенком не стоит сила куда более грозная.

Всё это проливало новый свет на старые скандалы семейства Бай. Становилось ясно, почему госпожа Ван так легко заняла место законной жены, и отчего Бай Цзюнь без колебаний ущемлял права собственного родного сына ради благополучия Бай Эня.

Мысли, занимавшие Цзи Ло, не укрылись и от внимания Цзи Жуна. Впрочем, со стороны вся эта история казалась ему притянутой за уши. Трудно поверить, чтобы обманутый муж, пускай даже его соперником выступил сам повелитель Поднебесной, выказал столь невероятное великодушие — не просто смирился с позором, но и воспитал бастарда как любимого наследника.

«Здесь определенно кроется какая-то тайна, ускользающая от моего понимания»

«Я рассуждаю так, словно родство этого мальчишки с императором — уже доказанный факт. С какой стати я так легко поверил в это?» — разозлился на себя Цзи Жун.

Пускай подобная готовность и помогала докопаться до истины, мириться с собственным легковерием принцу не хотелось.

В голове у Бай Эня шумело. Слова Хан Сиэня больно укололи его в самое сердце.

В глубине души он и сам давно понимал, что в их доме творится нечто странное. Родители держались друг с другом натянуто и холодно. Их редкое, сугубо деловое общение разительно отличалось от слухов, бродивших по столице, будто бы Бай Цзюнь души не чаял в супруге и

ради неё свел в могилу первую жену.

Отец всегда глядел на него со странной смесью чувств, а матушка при каждой встрече вела себя подчеркнуто церемонно. Она безжалостно требовала от сына идеального соблюдения этикета, но в быту исполняла любую его прихоть.

Она почти никогда не покидала стен поместья, ссылаясь на слабое здоровье, хотя Бай Энь доподлинно знал, что матушка крепка телом. Раньше он списывал это на затворничество из-за стыда перед светом, не желая лишних пересудов.

Но теперь, после намеков Хан Сиэня, в его душе зашевелилась страшная догадка. Догадка настолько чудовищная, что Бай Энь гнал её прочь из последних сил.

Разве мог Бай Цзюнь не быть ему отцом? Да, их отношения сложно назвать идеальными, но Бай Энь до сих пор помнил, как в детстве, когда он тяжело занемог, отец в панике метался у его постели, прижимая к груди. Разве можно подделать такой неподдельный ужас и нежность?

И его матушка, этот эталон благонравия и строгости, неужели она способна на столь гнусный грех?

Разум отказывался в это верить.

Замешательство Бай Эня, чьё лицо утратило былую невозмутимость и исказилось паникой, дало пищу для размышлений обоим принцам.

Хан Сиэнь не собирался доводить беднягу до безумия прямо сейчас. Добыв нужную реакцию, он лишь равнодушно скользнул по нему взглядом и произнес:

— Впрочем, ваше смятение вполне объяснимо. Его Высочества тоже изволили утомиться за сегодня, так что вам всем не помешает отдых.

Цзи Жун уставился на него с нескрываемым изумлением. Весь его облик выражал немой вопрос: «И это всё? Почему бы не нажать сильнее, пока он слаб?»

Одарив принца вежливой, но пустой улыбкой, Хан Сиэнь развернулся и вышел вон, предоставив пленникам прекрасную возможность изводить друг друга подозрениями наедине.

Глядя вслед удаляющемуся маркизу, Цзи Жун едва сдерживал ярость. Поведение Хан Сиэня напоминало беспардонную уловку уличного сказителя, который прерывает историю на самом захватывающем месте, ударяет колотушкой по столу и заявляет: «А что было дальше — узнаете в следующий раз».

Поистине, во всей Великой Чжоу не сыскать человека более несносного.

Цзи Ло даже не взглянул на уходящего, устремив тяжелый взгляд на Бай Эня. Тот, с трудом взяв себя в руки, наткнулся на этот допрос без слов, и на душе у него сделалось совсем скверно.

Флигель был невелик — всего три жилые комнаты на одном пятачке земли, как раз по числу узников. Куда бы ни направлялся Бай Энь, Цзи Ло буквально пожирал его глазами, безмолвно требуя ответа. Это пристальное внимание до крайности раздражало юношу.

Но поскольку его преследователь оставался принцем крови, Бай Эню оставалось лишь до боли сжать кулаки. Выбрав первую попавшуюся комнату, он шагнул за порог и с треском захлопнул за собой дверь. Подобная дерзость в иные времена потянула бы на измену престолу и плаху, но сейчас ему было плевать.

Голова его раскалывалась, а мысли путались. Одно лишь упоминание нелепых подозрений Цзи Ло приводило его в бешенство.

Он не прирезал принца на месте лишь потому, что не имел для этого никакой возможности.

Выйдя за ворота, Хан Сиэнь покинул герцогское поместье и направился напрямик в усадьбу Бай. Там он без лишних церемоний изъясил все долговые книги и списки гостей за последние годы — исключительно ради видимости следствия.

Окруженное плотным кольцом императорской гвардии, поместье герцога Хань замерло. Обитатели притихли и носа не казали на улицу без крайней нужды.

Как и было обещано государю, Хан Сиэнь собственноручно доставлял пленникам еду трижды в день. В первый день к еде никто не притронулся. Маркиза это ничуть не заботило: предложив обед положенные три раза и не дождавшись ответа, он хладнокровно уносил корзины обратно.

На вторые сутки первым сдался Цзи Жун. Рассудив, что слабое здоровье не располагает к голодовкам ради глупого упрямства, он решил поберечь себя — в конце концов, его совесть перед отцом была чиста.

Вслед за ним за палочки взялся Цзи Ло. Его отказ от пищи в первый день объяснялся не протестом, а тяжелыми думами, отбивавшими всякий аппетит. Однако голод быстро взял свое.

Бай Энь продержался трое суток. Видя это, Хан Сиэнь вызвал лекаря, выписал укрепляющий отвар и велел слугам залить его строптивцу прямо в глотку. В тот же полдень юноша покорно съел чашку рисовой каши.

Убедившись, что бунтовщики усмирили гордыню, Хан Сиэнь остался доволен.

Теперь, со спокойной душой, он мог перевернуть вверх дном резиденции обоих принцев. Распутывать заговор снизу вверх — дело неблагодарное, но если начать с верхушки, нити сами поползут в руки.

Взять хотя бы Цзи Жуна. Никому и в голову не приходило связать его с делом о наводнении в Цзяннани, оттого и поиски в том направлении не давали результатов. Но стоило отбросить условности и взяться лично за принца — изучить его связи, переписки, тайные встречи, — как темные дела начали проступать наружу.

Впрочем, Хан Сиэнь не спешил раскрывать императору тайный союз Цзи Жуна и Вдовствующей императрицы. Первым под удар он решил подставить клан Ши — влиятельную родню самого государя по материнской линии.

Поводом послужило дело о незаконной добыче золота на юге. Хан Сиэнь прекрасно понимал, что этот шаг навлечет на него гнев августейшей вдовы, но это его нисколько не пугало. Напротив, сорвать покров с чужих грязных тайн казалось ему делом чрезвычайно увлекательным и сулящим славную забаву.

<http://bllate.org/book/20088/2002055>